

Опасная Мудрость Запада

Алексей Буров

Человек как вопрос

Что составляет сущность человека, его самое главное? Есть немало глубоких ответов на этот вопрос, объединенных импликацией его важности. А раз так, раз важность вопроса первична в отношении любого конкретного ответа, то не содержится ли ядро ответа уже в вопросе? Иными словами, нельзя ли определить человека через вопрос о себе, как ищущего свое определение, истину о своем бытии? Помимо определенной элегантности, такой самореферентный ответ был бы поддержан не только авторитетом Дельфийского божества с его вечно-волнующим *познай самого себя*, но и общим центром всех великих учений. Накопленная человечеством мудрость в конечном счете антропоцентрична; в ее фокусе всегда сияет один и тот же инвариант — вопрос о сущности человека, о том, кто я. Но позвольте -- могут здесь возразить -- ведь люди редко так уж прицельно задаются этим вопросом; люди в основном заняты конкретными задачами: работают, учатся, заботятся о близких, и так далее, так что на такие философские вопросы обычно не остается ни времени, ни возможности; и что же, они от того уже и людьми считаться не должны? Всё верно, ответил бы я, но если человек уже до такой степени заземлился, что стал полностью глух, безразличен к вопросу о своей сущности, то не следует ли его считать заживо умершим или, как минимум, крепко спящим? Не знаю кто как, но я бы дорого дал, чтобы Бог избавил меня от встреч с подобными зомби, безнадежно спящими как-бы людьми. Какие бы ни были у человека проблемы с работой, семьей, государством, каковы бы ни были его познания по физике или истории, разделяй он ту, иную, или никакую религию — встреча с ним может раскрыться как благо. Но если этот человек столь беспробуден — нет, пусть мои пути никогда не пересекутся с подобными существами. Прав был Эрнест Ренан: «в действительности индивидуум является в большей или меньшей мере человеком, в большей или меньшей мере сыном Божьим.» Остается актуальным комментарий Жюльена Бенда, данный этому высказыванию почти век назад в «Предательстве интеллектуалов»:

Современные эгалитаристы, не понимая, что равенство может быть лишь в области абстрактного, что сущность конкретного – неравенство, показывают, кроме своего недопустимого политического невежества, чрезвычайную грубость ума.

Хорошо, примем такую дефиницию человека, через вопрос о себе, как его центр и сущность. Значение вопроса становится предельным. Предельно значимые вещи имеют особое наименование — святыни. Просто ценные вещи можно менять одну на другую, при ценовом эквиваленте. Святыня же цены не имеет, или таковая бесконечна. Святыни не обмениваются ни на что, даже на другие святыни; а если все же приходится выбирать между ними, то вопрос оказывается трагически неразрешимым. Подчеркнем, что данная святыня

решительно отличается от частных, особенных святынь, ограниченных индивидуальными, семейными или национальными границами. Святыня человека как такового, к которой принадлежит и вопрос о нем, безусловна, универсальна, категорична. Она и задает кантов категорический императив: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»*.

Итак, вопрос о сущности человека столь же свят, сколь и сама сущность, человечность сама по себе, ибо одно неотделимо от другого. Вопрос, однако же, требует ответа или ответов; иначе он бессмыслен. Что же может быть здесь ответом? А что не может? Безусловная святыня есть универсальная бесконечная ценность, а стало быть, ее уничтожение есть, со всей категоричностью, бесконечное злодеяние. А раз так, то категорически неприемлемы те ответы, что уничтожают вопрос, снимая его, дискредитируя, или закрывая.

К такого рода ответам относятся все отсылки к произвольности, случайности или бессмысленности ответов. Например — человек есть то, кем ему вольно себя определить. Если сущность человека — не более, чем его произвольное мнение, если все утверждения о сущности равноправны, то они и равно-ничтожны, будучи приравнены к произвольным фантазиям и капризам. Есть и объективистские варианты уничтожения человека — например, сциентистский: человек есть результат эволюции, законов природы и случайности. О природе законов, почему они именно таковы, почему они оказались познаваемы объявившимися необходимо-случайными существами, при этом либо не спрашивают, либо полагают законы тоже делом случая. Бессмысленные законы и случай оказываются ответом на вопрос о человеке, бессмысленном детище незнамо откуда взявшихся безумных сил. Вопрос оказывается снят через дискредитацию, что и обнаруживает, стало быть, ложность такого ответа. Злодеяние, стоящее за этим ответом, не обязательно входит в намерение отвечающего, но оно присуще ответу по существу: человек таким ответом уже уничтожен, став столь же случайным и бессмысленным, как и любой ответ о нем. Философское основание любому преступлению тем самым уже подведено.

Другой способ снятия вопроса — его табуирование. Вопрос может оказаться в числе неприличных, или слишком опасных, или всегда неуместных, так или иначе нехороших. Мол, да, проблема есть, но говорить о ней — признак дурновкусия, глупости и невоспитанности. Или — да, вопрос есть, но есть и правильный ответ: бороться со всем прогрессивным человечеством за все хорошее против всего плохого, и лучше всего на этом тему закрыть, ради нашей с вами безопасности. Люди, принимающие такие варианты, совершают философское самоубийство, превращаются в зомби — тем вернее, чем надежнее их табу.

Вопрос может уничтожаться и отключением ядра личности, откуда он исходит — через наркомании, иррациональные экстатические культы, любые формы самозабвения, вплоть до самоубийства. Особым способом устранения вопроса является подключение к тоталитарным группам, где индивидуальность теряется, растворяясь в подчиненном лидере едином 'мы'. Идеология таких групп может носить самый разнообразный характер, от псевдо-мистического до псевдо-рационалистического, от эзотерически-замкнутого до утопически-революционного.

Но каким же может быть ответ на вопрос о человеке — совместимый с его достоинством, святостью его сущности? Сказанное означает, что ответ должен даваться, но не может исчерпываться. Он не может состоять из конечного набора элементов, ибо все конечное ничтожно по последнему счету. Ответ должен быть, быть важным и содержательным, и вместе с тем не вполне быть — оставаться открытым, незаконченным, требующим существенных дополнений. Вопрос, получивший законченный ответ, перестает быть вопросом. Ответ должен быть сразу и универсальным, и индивидуальным. Если он лишь универсален — он безразличен ко мне, и мне останется лишь отплатить ему тем же. Если он лишь индивидуален — он уничтожается временем. Ответ, уничтожаемый временем, обнуляет и самого человека, независимо от того, идет ли речь о времени жизни человека или вселенной. А коли так, то уничтожаемый временем ответ должен быть признан ложным и потенциально губительным.

Ответы, так или иначе реализующие обозначенные требования, даются определенными религиозно-философскими учениями. Наиболее мощные комплексы некоторых из них порождают цивилизации, развиваясь далее внутри них. По цивилизациям можно судить об их комплексах учений. Цивилизация есть опыт применения такого комплекса; в ней раскрываются его истины и заблуждения. Учения можно судить по их цивилизациям как по плодам — *по плодам их узнаете их*. В определенном смысле, цивилизация есть эксперимент, в отношении которого ее комплекс учений играет роль теории. Истина теории раскрывается через эксперимент и наблюдение.

Цивилизация как ответ

Подчеркнем еще раз: цивилизация, взятая вместе со своим генетическим комплексом учений, своей мудростью, может пониматься как ответ на вопрос о человеке, о смысле, или смыслах, жизни, ее высших задачах, ценностях, святынях. Отношение индивидуума к святыне — служение и жертва, прежде всего. Создание и развитие цивилизации — дело трудное и долгое, требующее многовекового конструктивного сотрудничества, жертв сегодняшним ради будущего, в конечном счете — ради высших святынь. Все это требует твердых нравственных качеств, которые и задаются базовыми учениями. Если эти качества оказываются слабы, если базовые учения с их святынями перестают восприниматься всерьез — цивилизация будет разрушаться и гибнуть. Строительство цивилизации, подчеркнем еще раз — долговременная коллективная жертва или инвестиция. Зачем горожанам веками строить величественный собор, требующий немалых средств? Не лучше ли пропить и проесть эти денежки, погулять, пока живы? Зачем судье судить справедливо, если за несправедливый приговор хорошо заплатят, а за справедливый могут и убить? Почему бы служащему не прикарманить из казны, если не заметят? Зачем ему вообще служить старательно, если и так сойдет? Почему бы в случае финансовых затруднений человеку и не ограбить кого-то? Почему бы полицейским не приехать попозже на место преступления, не рискуя уже ничем, а то и войдя в число бенефициаров преступного мира? Эти и подобные им деструктивные мотивации многократно усиливаются бременем накапливающихся, смешанных с завистью, обид, ресентимента — на близких и дальних, а

в особенности на тех, кто преуспел несправедливо, будь эта несправедливость реальной или иллюзорной. Зачем я буду вкладывать силы в мир, если он весь во зле, если преуспевают и правят лишь злые и бесчестные? Начни копить обиды — и дело пойдет... Важнейшая сторона мудрости цивилизации — снятие ressentimentа.

Ressentiment неразрывно связан со свободой, чьи возможности кажутся загубленными злыми людьми или несправедливыми небесами. Поэтому один из традиционных путей его снятия — принципиальное избавление от свободы, акцент на неколебимом послушании гармонии природы и традиции, на безусловном следовании рутине или мудрости руководства. Это лекарство может быть весьма эффективно, но у него есть существенный дефект: подавление свободомыслия, а стало быть, и общественного развития. Учения послушания либо замораживают достигнутый общественный уровень, либо ведут к постепенной деградации; таковы доминанты традиционных религий ближнего и дальнего Востока. Второй путь освобождения от ressentimentа реализован учениями отречения: все материальные обстоятельства рассматриваются как иллюзорные или несущественные. Свобода здесь вполне может сохраняться; ressentiment, однако, теряет свое жало вместе со значением материального мира. Таковы по преимуществу учения Индии, включая буддизм; таковы же платонизм и гностицизм.

Основание Запада

Генетический комплекс учений Запада, его особая мудрость, включает Библейскую веру, Греческую философию и связанные с ними Греко-Римские политические идеи и практики универсального государства и права. Кроме того, в становлении Запада важную роль играл феодальный плюрализм, разделение центров церковной власти и многочисленных центров власти светской. В силу исторических обстоятельств, это разделение произошло на Западе Средиземноморья и не произошло на Востоке. Уникальный творческий импульс, задаваемый противоречивым синтезом этих начал в условиях политического плюрализма Запада, находил свое выражение в росте университетской учености, развитии искусств и ремесел, географических и научных открытиях, техническом прогрессе и расширении сферы свобод Западной цивилизации.

Религия Запада, Христианство, уже есть определенный синтез Библейской веры и Греческой философии. Как и другие великие религии, она содержит начала послушания и отречения. Запад, однако же, не стал бы тем, что он есть, без третьего начала христианства, творческого. Это третье начало выражено в сказаниях о сотворении мира как хорошего и прекрасного, о сотворении человека по образу и подобию Создателя и о шаткости и слабости свободной человеческой души, о трудных задачах человека, его восхождениях и падениях, о действиях Бога, нацеленных на возвышение человека. Это начало выражено в образе воплощенного Бога-Сына, мудрого и кроткого учителя, в жертве Его Собой ради спасения каждого из нас. В силу этого начала, человеку не должно уходить ни от мира, на что склоняет второе, индо-гностическое начало, ни от свободы, на что склоняет первое, ближне-дальне-восточное, но принимать мир как трудную задачу, разделяя с Небесным Отцом ответственность за всё и всех. Все обиды здесь могут быть сняты. Вопрос *за что мне*

такое от Тебя? замещается другим — *что я еще могу сделать вместе с Тобой и ради Тебя?* Среди всех элементов Св. Писания христиан нет ничего значительней того короткого текста, что положено произносить хотя бы трижды в день: после пробуждения, перед основным приемом пищи и перед сном — молитвы Господней, «Отче наш». Этот самый главный текст христианства, прямое обращение к Богу как Отцу, указывает лишь на одно конкретное дело произносящего, «и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим», и указывает столь эффективно, что тем дело и исполняется. Если прощение Богом моих проступков зависит от прощения мною моих злодеев и обидчиков, то что и говорить о зависти к тем, кто мне вообще ничего дурного не делал. Обращаться к Богу с такой молитвой и лелеять при этом в душе злые чувства — просто невозможно.

Библейское учение о мире как произведении всеблаготворца и о человеке как созданном по образу и подобию Бога имело первостепенное значение для развития естествознания. Оно задавало безграничную возможность познания Космоса и его святость, как особой формы причастия Небесному Отцу. Греческий Рационализм перешел в Средневековье своими обоими составляющими, Платоновой и Аристотелевой. Аристотелевский дискурс вел к эмпирическому познанию, к детальным рассмотрениям и классификациям природы, культуры и социума; Платоновский же побуждал к поискам универсальных математических теорий, как самих по себе, так и в плане естествознания. Оба направления развивались в росшей общеевропейской сети университетов и научных обществ, изъясняясь вплоть до эпохи Просвещения преимущественно на едином языке учености, Латыни. Научный эксперимент ставил запрос на технические изобретения, побуждая и к изобретательству для практических нужд.

Величайшая опасность для Христианства содержится, однако же, в нем самом. Расширение пространства свободы и веры в разум с неизбежностью приводило к критике Христианства — вначале его институтов, из чего родилась Реформация, а затем и самих религиозных основ, что привело к Просвещению с его деизмом, скептицизмом и атеизмом. Глубокие и таинственные истины Христианства скроены из иной материи, чем представляющиеся ясными и отчетливыми истины разума. Поверившим в последние как в основание всего и вся, ослепленным их ясностью, первые будут казаться нелепыми и абсурдными предрассудками. Уничтожая 'предрассудки', они будут губить самое основание цивилизации, сердцевину понимания человека, его высших смыслов и святынь, превращая тем самым человека в безумного монстра, а социум — в дом умалишенных. В определенной степени таковой была уже Французская Революция XVIII века; в еще большей степени таковыми были большевицкая и все марксистские революции.

Подлинная мудрость соткана из тех начал, которые Нильс Бор предложил называть дополнительными, представленными через инь и янь на его рыцарском гербе, как строгость и милосердие, как дерзновение и покорность, как вечное и творческое, как свобода и предопределенность, как логос и мифос, игра за белых и игра за черных. Когда одно из дополнительных начал сверх меры усиливается за счет другого, мудрость оборачивается глупостью, бессмысленностью или безумием. Великие умы Нового Времени, основоположники физики, от Галилея до Ньютона, не были фанатиками разума; книга божественных откровений читалась ими с тем же святым вниманием, как и книга природы. Декартова философия начинается с постановки вопроса о достоверности знания. При всей

глубине и смелости его размышления, оно касается истин веры лишь в одной, философски необходимой точке: Бог не обманывает и не даст нам стать безнадежными жертвами обмана и заблуждений, откуда бы таковые ни исходили. Никаких иных теологических вопросов Декарт философски не рассматривал. Католическое учение он брал на веру, молясь Пресвятой Деве как добрый католик, а не как блюститель ясности и отчетливости. В грандиозном успехе физики Ньютона нетрудно, однако же, было усмотреть сплошное торжество разума в космическом масштабе — особенно людям узко-рационалистического склада ума. Вольтер прямо писал, что небесная механика Ньютона доказывает существование Бога — но не того, что слышит молитвы, а Мастера, собравшего вселенную как часы, что идут потом сами собой. Не слишком удивительно, что эпоха Просвещения, воодушевленная успехами естествознания, уверенно поставила ясный и отчетливый разум высшим судьей всех без исключения истин. Разум, как известно, не терпит противоречий, а мудрость, с ее дополнительностями, вся из их сопряжений и состоит; так что провал мудрости на экзамене разума был предопределен.

Редукция мышления

Культ разума, провозглашенный Просвещением, потребовал объяснять мир и человека в ясных и отчетливых терминах, через отыскание понятных научных механизмов возникновения и существования. Закон Всемирного Тяготения прекрасно объяснил орбиты планет — вот в таком духе и следует мыслить о чем бы то ни было. Что же до темных вопросов — почему законы такие, а не другие, почему они оказываются познаваемыми, в чем смысл и ценность познания, кто такой субъект и откуда он взялся, что такое добро и зло — эти и подобные им вопросы надо оставить поэтам и попам, а серьезным мыслителям даже и не к лицу отвлекаться на них. Темные вопросы разумом неразрешимы, а стало быть и значения не имеют, одна пустая трата времени с ними, да еще и с опасными конфликтами впридачу. Культ разума, таким образом, редуцировал мышление до рационально-методического, соотносимого с универсальными наблюдениями. Обо всем, включая и самого человека, требовалось думать именно в таком ключе: найти кубики, из которых состоит объект познания, и найти закон взаимодействия этих кубиков — вот такие задачи только и могут иметь смысл. Законы природы надо объяснять из еще более общих законов, пусть пока и неизвестных, а откуда самые общие законы взялись — нет смысла спрашивать. Может, через тысячу лет наука найдет такой смысл — ну тогда и поговорим. Ценности можно описывать тоже через какие-то кубики — выживаемость, биологическая предрасположенность, случайность — но утверждать истинность одних ценностей против других нет никаких научных оснований. Наука ничего не может утверждать об истинности или ложности должного, только объяснять представления о должном через элементы, из которых они сложились под действием определенных безличных причин. Химия скажет о молекулярном составе человека, анатомия — о его основных органах, когнитивистика — об алгоритмах обработки данных мозгом-компьютером, психология — о механизмах психики, социология покажет работу этих алгоритмов и механизмов на уровне общества. Вот вам и ответ, кто есть человек. Физика объясняет вселенную, а биология — жизнь. Дарвин объяснил происхождение видов. Это не то, что вы искали? Ну, идите тогда к попам

и поэтам, они наговорят всего, чего хотите. А серьезные ученые дают вот такие строгие ответы, даже если они кому-то и не нравятся. Да, много еще неизвестного, но любознательные учёные работают, находят новые ответы, а из них следуют новые вопросы.

Таков порожденный культом разума сциентизм, редукция мышления до научного и наукообразного. Будучи оборванным и некогерентным мышлением, сциентизм захватил академические массы не в силу своих интеллектуальных или философских достоинств, но строго наоборот — в силу своей узости, сосредоточения на методическом познании и отбрасывания самых главных вопросов. Ницше писал о *духовном иллотстве* ученых: жесткая профессиональная конкуренция требует овладения гигантским объемом специальных знаний и навыков, так что ни на какое иное образование уже не хватает сил и времени. Но картина мира создается не методическим, а свободным мышлением. Нет и не может быть учебников и инструкций по отношению к самым важным вопросам, по построению картины мира. Если это построение подлинно, оно начинается с постановки под вопрос всего дотоле построенного, двигаясь далее свободно, а не по методу. Но в университетах учат другому — наработанным методам решения конкретных задач, учат профессии. И после университета еще много сил надо вкладывать, чтобы в профессии удержаться и преуспеть. Так что, одно из двух: или методическое мышление и есть единственно ценный и надежный путь к истине, пусть и ограниченной, а философское свободное мышление — это забава или самоутешение или еще что, но только не путь познания реальности. Или же, напротив, именно философское мышление и выводит к самым важным вопросам о мире и человеке, и, может быть, даже их решениям, а методическое мышление, в лучшем случае, предоставляет для того лишь полезный материал или данные. В первом случае, эксперт оказывается причастным самому главному, подлинному пути к истине, по которому он сделал какие-то шаги. А во втором, эксперт, даже весьма успешный, но чуждый философии, оказывается в положении человека низшего ранга, даже не узнавшего, что такое настоящее мышление. Много ли найдется ученых, да еще и преуспевших, готовых хотя бы гипотетически допустить второй вариант? И спрашивать нечего, вопрос риторический. В этом все и дело, здесь и корни сциентизма, этого шовинизма научного мышления. Характерно, что среди основоположников физики, вплоть до квантовой механики, сциентистов не было, за единственным возможным исключением молодого Дирака. Но и Дирак уже к среднему возрасту стал осознавать философские основания бытия и познания, выступать как философ-платоник; закончил же он жизнь регулярным церковным прихожанином. Такое решительное отличие между отцами физики и ученой массой в целом неудивительно. Установление основания науки требует не методического, а свободного мышления; методы появляются позже, как постройки на уже положенном основании. Иными словами, отцами науки могли быть лишь философы. Ученые же, предоставленные самим себе, в своей массе обречены на сциентистскую редукцию мышления, последствия чего глубоко деструктивны. Будучи апологией бессмысленности, сциентизм уничтожает философию, этику и религию. Его разрушительная сила весьма велика; она проистекает из соединения восхищения наукой, ограниченности объективированного мышления, экзистенциального страха и гордого стремления удержать достоинство в бессмысленности. Освобожденное

либеральным мировоззрением от необходимости религиозно-философского образования, ученое сообщество падает в сциентизм с неизбежностью камня, потерявшего опору. Будучи весьма крупным, этот падающий камень сносит на своем пути всё, все основания цивилизации — не только общечеловеческую этику, но и саму веру в разум, лежащую в основании науки. Если спрашивать о смысле вселенной, о смысле жизни бессмысленно, если любой ответ может иметь причину, но не резон, то и в науке, и в самом разуме смысла никакого быть не может. А раз так, то все нарративы равноправны; любая декларация неравноправия есть акт произвола и подавления одного мышления другим. Таким образом сциентистская редукция мышления переходит в постмодернистское самоубийство разума.

Свобода, равенство и братство

Откуда черпали свою силу ведущие ценности либерализма, запущенные Французской Революцией принципы *свободы, равенства и братства*? Из самой природы человека, из естественного закона, как думали многие революционеры? Коли так, то отчего же мы можем встретить их за пределами Запада лишь как западные, как исходно чуждые иным культурам? Стоит однако раскрыть глаза и обратиться к азам христианского учения, как мы легко найдем эти ценности, изобильно и разнообразно представленными. О свободе как важнейшем элементе богоподобия, главнейшего религиозного определения человека, уже было сказано выше. Фундаментальные равенство и братство всех людей следуют уже из их общего происхождения от созданной Богом первой пары. Равенство перед законом задано универсальными заповедями Ветхого и Нового заветов. То, что разница социальных статусов не может затмить принципиального равенства и братства, иллюстрируется мимолетной переменчивостью социального положения: раб Иосиф становится ближайшим к фараону вельможей, а видный городской старейшина Иов оказывается последним изгоем. Но если люди в высшем, святом смысле свободны, равны и братья-сестры, то как можно терпеть несправие, громадный разрыв в социальных возможностях и угнетение одних другими? Разве не должен христианин с гневом восставать против норм греховного мира, требуя именно свободы, равенства и братства? Были и есть церковнослужители, что отвечают положительно на этот вопрос, но они всегда были маргинальны среди христиан. Да и как бы оно могло быть иначе, если основатель религии был учителем мира, а не восстания? Отдай кесарю кесарево, будь добр с иноплеменниками и оккупантами, вложи меч в ножны и заботься лишь о Царствии Небесном, а все остальное приложится тебе — вот Его учение. Как ни ищи, не найдешь в нем одобрения акций гнева и возмездия, восстания масс; не найдешь и порицания полицейской и воинской службы. Иисус из Назарета был подлинным другом кесаря — в той мере, в какой последний, не претендуя на божие, исполнял долг защиты от захватчиков, грабителей и насильников, в чем и состояла идея *Rex Romana*. Следует признать, что основатель христианства был твердым сторонником цивилизации, ни разу не одобряв воинствующих революционеров, коих вокруг него было немало.

Если *свобода, равенство и братство* есть глубоко христианские ценности, что и объясняет их вес для человека Запада, и если мудрость Запада поистине соткана из дополнительных начал, то каковы же дополнения этих трех, отсеченные на прокрустовом ложе разума?

Свобода имеет смысл лишь тогда, когда она сопряжена с идеями ответственности и служения чему-то или кому-то большему, чем полагающий себя свободным субъект. В противном случае она бессмысленна и деструктивна. Значение равенства, не дополненное ценностью иерархии лучших, ценностью меритократии, обернется торжеством повального хамства. Братство без признания важности состязания и права на дистанцию от другого породит лишь лицемерие и насилие. Выдвигая свободу, равенство и братство и закрывая глаза на их дополнения, служение, иерархию и состязание, Просвещение осуществило ту рационалистическую деструкцию мудрости, что обернулась безумием последовавших утопических революций, начиная с Французской. Отделенные от своих дополнений, свобода, равенство и братство постоянно и закономерно оборачивались торжеством бессмысленности, хамства и кровопролития — снова и снова на удивление борцов за все хорошее против всего плохого, многие из которых, развязывая террор, скоро превращались в его жертвы.

Выбор революционерами именно этой, а не иной, тройки категорий определяется тем, что она обещает права, не требуя никаких обязательств. Свобода, равенство и братство — сладкие праздничные лозунги; на них прекрасное общество и должно быть основано. Отброшено все трудное и напрягающее: мое служение, что может оказаться слабым; возвышающаяся надо мной иерархия, что может меня унижать уже своим видом; состязание, где я скорее всего буду бесславно проигрывать — все это удалено и табуировано. В реальности, однако же, всегда возникает борьба за лидерство внутри разнообразных иерархий, требующих служения и принуждающих к нему. Иерархия существует, в том числе, и в революционных партиях, и она бурно разрастается при их приходе к власти. Непризнанная, нерелефлируемая революционным сознанием иерархия революционеров становится наиболее тиранической из всех иерархий — ибо этой тирании нет на уровне революционного дискурса, и потому она не может встретить осознанного ограничения в среде революционеров. Отброшенные разумом дополнительные сущности мстят своим появлением в виде фурий, обрекающих общество победившей революции на террор, тиранию, войну.

Мне могут возразить, что именно *свобода и равенство*, определенным образом понятые и взятые без их дополнений есть базовые принципы современного Запада, либеральных демократических государств, чьи успехи в разнообразнейших областях жизни столь значительны. Согласно классической формулировке «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, свобода гражданина ограничена лишь свободой другого гражданина, имеющего те же универсальные права. В число таких прав входит свобода мировоззрения: взрослый человек волен разделять и принимать любую картину мира или не принимать никакой. Насильственная индоктринация недопустима. Универсальность этого принципа означает толерантность к любым взглядам, сколь бы чужды и неприятны они мне ни были. Нетолерантность оправдана лишь в отношении нетолерантных, как учил один из гуру либерализма Карл Поппер. Проведение этого принципа, как он понимался до сих пор, требовала полного религиозного нейтралитета государственных школ — государство не должно навязывать религию; любая религиозная аргументация строго исключалась из школьных программ как недопустимая индоктринация. Этот же

принцип требовал исключения религиозно-заряженных тем в обязательных курсах государственных университетов.

Равенство, согласно тому же авторитетному документу, есть равенство универсальных прав перед законом:

Закон должен быть одним для всех, защищает он или карает. Граждане, будучи равными в глазах закона, не должны иметь никаких иных преимуществ при занятии общественных должностей, помимо их способностей, доблестей и талантов.

Последовательное проведение принципа равенства перед законом выразилось в уничтожении сословного права, в установлении всеобщих равных избирательных прав, в конкурентной избираемости всякой общественной власти.

Что касается *братства*, то это понятие этическое, а не правовое. В таком статусе оно и присутствует в моральных представлениях Запада, так или иначе связанных с категорическим императивом.

Явно или неявно, либеральная мысль предполагает определенную устойчивость либеральных ценностей. Нередко полагается, что либеральное общество возможно даже и без поддержки исключаемого из общего пространства христианства, что либерализм может как-то держаться сам собой — в силу хороших привычек людей, их цивилизованности, разумных институтов власти, демонстрации преимуществ либерального порядка. Откуда берется такая уверенность — трудно сказать. Возможно, она подпитывалась самоощущением ведущих либеральных авторов: будучи нередко скептиками или атеистами, они были носителями твердых либеральных убеждений. Ну, раз им такое возможно, то должно быть возможно и всем прочим. Подобная вера в самодостаточность либерализма упускает из виду вечные острые, страстные конфликты между людьми, борьбу за социальный статус, за лучших женщин или мужчин, за утверждение тех, а не иных ценностей. Общество может быть удержано от хаоса и войны, если в нем много тех, кто готов принести свое благополучие и даже жизнь в жертву ради общего блага, ради справедливости, о чем шла речь выше. Подобные жертвы идут против инстинктов жизни; они приносятся силой духа, что побеждает соблазны жизни, resentment и страх. Сила духа — не желание, у нее иная природа. В тех случаях, где ставка высока, эта сила может проистекать лишь из связи с такими святынями, что выше жизни, из связи с ее высшим смыслом. Но смыслы такого рода и задаются религиями; на Западе — его родным Христианством. Самое важное, перед чем человек благоговеет, чему готов жертвовать собой, открывается и передается как религиозное — это определение религиозного, если угодно. Высшие ценности, святыни, не изобретаются и не чеканятся, как думал это сделать Ницше, как это хотели воплотить марксистские тирании. Высшие ценности не порождаются новым способом производства, как учил тот же марксизм, но напротив, они могут либо открывать дорогу прогрессу, либо блокировать его. Западная цивилизация создана Христианством, его особенными святынями, куда входят и свобода, равенство и братство. А раз так, то утрата Христианства не может не влечь деградацию самой основы Запада и его гибель. Исторические факты подтверждают этот вывод яснее некуда. Революционная интеллигенция, возглавившая уничтожение Западной цивилизации в

России столетие назад, была решительно антихристианской, большинство же народа было неграмотно, имея весьма отдаленное, преимущественно магическое, представление о вере. Лидеры германских партий, получивших 90% голосов на выборах 32го года, или презирали Христианство, как национал-социалисты и социал-демократы, или ненавидели его, как коммунисты. Спасли Европу от марксистской и нацистской гибели и вернули ее на либеральный путь те страны, где Христианство было особенно сильным — США и Великобритания. Послевоенная Западная Европа строилась преимущественно христианскими демократами, но и этот послевоенный христианский импульс уничтожался либеральным нигилизмом. Либерализм, живущий за счет ценностей Христианства, неустанно рубит и рубит сук, на котором сидит, что не может продолжаться вечно. Упорная работа по уничтожению своей основы приносит плод: основа таки рушится, увлекая в бездну всё, что она держала.

Эрзац-религии

То, что происходит сегодня в Штатах — все это безумие woke, 'пробужденных рыцарей социальной справедливости', *начекистов*, как предложил их называть Михаил Эпштейн,— следствия вакуума смысла, созданного либерализмом. Это явление того же рода, что и распространение марксизма, фашизма, нацизма в Европе и России прошлого века; к тому же роду относится и фанатичный экологизм. Свято место пусто не бывает: изгнанное из школ и университетов Христианство замещают заточенные на массовый вкус примитивные эрзац-религии, слепленные из обломков старого учения.

...утрата веры с сохранением религиозной христианской психологии могла создать только отчаянного революционера и социалиста. Все желания перенеслись в эту, земную жизнь. С утратой веры в Бога и в неземную жизнь, оставалась только жизнь на земле, помышления о благе принимали земные формы, и стремление к счастью для себя и для других неизбежно перенеслось к доступности благ земных. —

отмечал Лев Александрович Тихомиров (1852-1923), бывший член Исполкома террористической «Народной Воли», переосмысливая в эмиграции свое революционное прошлое, в брошюре «Почему я перестал быть революционером» (1888). Мысли Тихомирова перекликаются с теми, к которым пришел с годами видный участник движения зеленых Майкл Шеленбергер. Приведем цитату об 'апокалиптической природозащите' из его недавней книги «Apocalypse Never» (2020):

Having first experienced and then studied the phenomenon for fifteen years, I believe that secular people are attracted to apocalyptic environmentalism because it meets some of the same psychological and spiritual needs as Judeo-Christianity and other religions. Apocalyptic environmentalism gives people a purpose: to save the world from climate change, or some other environmental disaster. It provides people with a story that casts them as heroes, which some scholars, as we will see, believe we need in order to find meaning in our lives. ... The trouble with the new environmental religion is that it has become increasingly apocalyptic, destructive, and self-defeating. It leads its adherents to

demonize their opponents, often hypocritically. It drives them to seek to restrict power and prosperity at home and abroad. And it spreads anxiety and depression without meeting the deeper psychological, existential, and spiritual needs its ostensibly secular devotees seek.

Имея вначале опыт и затем изучая этот феномен в течении пятнадцати лет, я понимаю, что секулярных людей влечет к апокалиптической природозащите по той причине, что она отзывается на те же психологические и духовные нужды, что Иудео-Христианство и другие религии. Апокалиптическая природозащита дает людям цель: спасти мир от изменения климата или иного экологического ужаса. Она предлагает людям историю, где они предстают как герои, в чем, как полагают некоторые знатоки, мы нуждаемся, чтобы найти смысл жизни... Беда с этой новой природозащитной религией в том, что она становится все более апокалиптической, деструктивной и саморазрушающей. Она ведет своих приверженцев к демонизации оппонентов, часто лицемерно. Она ведет их к поискам ограничения силы и процветания дома и за рубежом. И она распространяет тревожность и подавленность, не соответствуя тем глубоким психологическим, экзистенциальным и духовным нуждам, удовлетворения которых ищут ее как-бы секулярные приверженцы.

Основные черты этих революционных суррогатов религии нетрудно перечислить; они присутствуют уже в их общем предке, марксизме, о котором автор этих строк [имел случай высказаться](#).

Во-первых, они крайне узки и примитивны по содержанию. В них нет ничего о происхождении мира и человека, их коллекция нравственно-значимых историй ничтожна, если и есть вообще, нет обоснования морали (но требование служения революции есть, конечно), нет вечного и трансцендентного, нет Бога, нет философской мудрости.

Во-вторых, все они сконцентрированы на социальном, все они раздувают групповые конфликты, играя на энергии ресентимента, разделяя людей на правильных и неправильных, наших и ненаших, хороших и дурных на основе социального положения, национальности, расы или этничности. Все они выделяют особое место для борцов за великое дело, с коими адепты себя и отождествляют. Задачей борцов является распространение учения, вовлечение в борьбу тех, что еще не пробудились; будить их, накачивать злыми обидами и претензиями ко всем и вся, захватывать власть и устанавливать новый порядок.

В-третьих, все эти революционные учения принципиально не допускают свое критическое обсуждение: всякая попытка такого рода предосудительна, заранее объявляется злодеянием, осознанным или неосознанным выражением интересов порочных групп. Таким образом, революционные эрзац-религии глубоко враждебны свободе мышления и рационализму: в ответ на свою критику они всегда предъявляют аргумент *ad hominem*, заявляя об извращенности и порче самого критика. Вместо ответа по существу, они атакуют личность критика, априори. Отсюда же следует установка эрзац-религий на переписывание всего культурного наследия: а как иначе, если это наследие всё пронизано интересами порочных групп?

Поскольку разум и мораль объявляются порождением старого порочного общества, а все благо исходит от эрзац-религий, никаких моральных или разумных ограничений их адептам быть не может.

Эрзац-религии тяготеют к обрастанию ритуалами традиционных религий — почитанием мощей, реликвий и икон святых, совместным пением религиозных гимнов, инициациями, исповедями, покаяниями и проклятиями.

Конкретные революционные эрзац-религии и движения: марксизм и его вариации, 'Black Lives Matter', антифа, разнообразные воинства социальной справедливости, радикальный феминизм, группы LGBTQ+, борцы с глобальным потеплением. Список такого рода имеет тенденцию к пополнению. Там, где вырублен вековой сад, растет что попроще: бурьян, репей, чертополох. На месте изгоняемого христианства будут расти эрзац-религии, религиями не называющиеся (богов-то у них нет!), а потому вполне годные, а то и обязательные для школ и университетов либерального Запада.

Ценностный вакуум, создаваемый либерализмом во имя свободы, заполняется: духовная природа, как и физическая, не терпит пустоты. Там, где запрос на смысл жизни не удовлетворен, люди либо губят себя в наркоманиях и самоубийствах, либо падают в сон механической рутины будней, либо ищут новую религию. Самый простой и доступный вариант таковой — эрзац-религия, пропагандируемая школами и университетами не как религия, а как правильный и моральный взгляд на мир. Люди, охваченные революционными эрзац-религиями, есть варвары, порожденные либерализмом и враждебные ему. Они его и хоронят, и свободу, и равенство, и братство. Либерализм жив, эффективен и может быть даже прекрасен лишь до тех пор, пока он не закончил убийство своего материнского начала, Христианства. Без матери это создание не живет.

Осмысление ценностей

И что же вы хотите этим сказать? — могут спросить здесь меня — что надо возвращаться к соединению церкви и государства, к клерикальному государству и правящей церкви, к инквизиции и новому средневековью? Нет, не так. Прежде всего, я обращаю внимание, что помимо Сциллы религиозной тирании и религиозных войн, от которой попытался уйти классический либерализм, есть еще и Харибда бессмысленности, цинизма, светской тирании, террора и войн, и что либеральный поворот от Сциллы повел напрямик на Харибду. Моей первой целью было обрисовать существо проблемы. Проблема классического либерализма — прежде всего в слепоте по отношению к своей ценностной основе, в ее уничтожении ради ложно понятой свободы. Ложность здесь понимается вполне прагматично: если некое представление о жизни гарантированно ведет к самоубийству, это представление ложно по определению. Если либерализм и может быть спасен, то лишь при осознании своей зависимости от Христианства и соответствующем пересмотре своего проекта. Питаться за счет родителей и одновременно гнать их за дверь можно лишь какое-то время. Выделенный кредит заканчивается, и следует наконец понять, что своих средств на счету нет, не было и не будет, что все великие достижения были обязаны родительскому наследству. Единственный вариант жизни теперь, по исчерпанию наследства — осознание ситуации, метанойя и возврат в отчий дом в надежде на продолжение родительского дела. Либерализм, его основания, должны быть осознаны и переосмыслены.

Прежде всего, это касается понятия свободы. Свобода — не в вакууме святынь и смыслов, который, если не убьет человека телесно, то насосет в пустую душу первый попавшийся сор примитивных убийственных бактерий: марксизма, нацизма, империализма, начекизма, или еще какой радости. Свобода — в глубоком осознании духовного наследия и в его дальнейшей культивации. Это не значит, что должна быть введена инквизиция. Это не значит, что все мировоззрения, кроме одного, должны быть запрещены. Но это значит, что Христианство, в его ценностном ядре, должно обязательно изучаться и дебатироваться в школах и университетах, ибо без дебатов подлинное понимание невозможно. Это значит, что знание духовной истории Европы, понимание ее святынь, должно быть обязательным для учителя, выборного лица и чиновника. Свобода должна быть понята не как идейная безотцовщина, но как ответственность наследника, не как бессмысленный бунт, а как продолжение великого дела духовного роста каждого и всех, к вящей славе Господней.

Равенство, вторая аксиома либерализма, также должна быть переосмыслена. Почему все граждане должны обладать равными правами голоса на выборах? Почему голоса людей, много сделавших на благо общества, голоса мудрых, доблестных, жертвенных, успешных в ремеслах и просто трудолюбивых должны идти с тем же весом, что голоса полных невежд и социальных паразитов, не говоря уже о преступниках? Почему человек, не имеющий достаточно ума и порядочности, чтобы обеспечивать себя и свою семью, не сдавший этот минимальный экзамен жизни, севший на шею сограждан, должен вообще иметь право голоса при выборе власти? Социальные паразиты, пролетарии (в исходном римском смысле слова) массово голосуют за пролетарских демагогов, тех, кто этот паразитизм будет далее раздувать в своих интересах. Нетрудно догадаться, что подобная малина ведет лишь к экономическому краху страны.

Должно быть переосмыслено и братство. Ценность братства должна пониматься как неотрывная от ценности его дополнения, этического неравенства. В абстрактном ядре человечности, люди этически равны. И однако же, мудрые и праведные этически выше невежественных и безнравственных. Это нередко понимается, но говорить об этом не принято: «братство» не позволяет. На деле, такое эгалитарное «братство» скоро оборачивается хамством, а то и каинским убийством лучших. Важным аспектом этики братства является взаимопомощь. Важно, однако, чтобы она не оборачивалась медвежьими услугами. Адаму было сказано, что в поте лица он будет добывать хлеб свой. Христос отказался превращать камни в хлебы. Зря отказался? Вот было бы здорово, голод на земле прекратился бы, и можно было бы не работать уже в поте лица своего. Но Господь наш отвел этот вариант: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.» Освобождение от трудового пота, выходит, закрывает уши человека от слов его Небесного Отца. Иисус не последовал совету Сатаны кормить людей дармовым хлебом. А вот идеологи всеобщего благосостояния, welfare state, решили иначе, им совет Сатаны понравился. Так кто же наш учитель братства — Христос или Сатана? Надо ли обеспечивать даровым хлебом трудоспособных, но не работающих людей, или, вместо того, следует открывать общественные работы и платить за труд, пусть это стоило бы и дороже? Надо ли держать в общеобразовательной школе детей, не желающих учиться и мешающих в этом другим? Не следует ли их отчислять, ради общего блага, их блага в том числе? Не хотят или не могут учиться — пусть работают, дармового хлеба быть не должно.

Это эссе было начато вопросом о человеке, *что он такое?* Дополнительным к нему является вопрос о том, к чему следует стремиться? С античных времен на этот вопрос многие отвечали, что человек стремится к лучшей жизни, к счастью, что такова и есть высшая цель, свойственная человеку по его природе. Но что же есть счастье, в чем оно? Этимология русского слова указывает на смысл доброго удела, удачи, как утверждает словарь Фасмера. То же и в английском: *happiness* имеет тот же корень, что и глагол *to happen*, случаться. Удачный случай, везение, фортуна. На всех современных европейских языках слово 'счастье' изначально имело смысл удачи, — сообщает этимологический словарь etymonline.com, добавляя далее, что единственным исключением является валлийский, где используемое для того слово исходно означало 'мудрость'. Что ж, если так, то следует признать, что лишь валлийская этимология созвучна великой античной философии. Счастье, стремление к которому ставили главной целью великие греческие мыслители, *eudaimonia*, имеет вполне ясную этимологию *благого бога*, гармонии с благом божественным началом. Платон, Аристотель, стоики понимали эвдемонию как реализацию доблестей, высших качеств души, ее соответствием божественным образцам, *arete*. Это совсем иное, чем поиск удачи, или удовлетворения желаний, веселья, восторга или сладостного забвения. Счастье как удача, везение, в греческом языке тоже есть, но передается иным словом, *eutukhia*. Христианство приняло греческую задачу *эвдемонии* как стяжание Святого Духа путем подражания Христу — именно так отвечал, например, св. Серафим Саровский на вопрос о смысле жизни. Просвещенческий гуманизм, с его отказом судить о духовном, совершил подмену духовного материальным, внутреннего внешним, эвдемонии эвтихией. О порочности гуманистически понятого счастья говорил Солженицын в своем выступлении в Гарварде:

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, - он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. (1978)

Критическое начало, заложенное в Христианство через философию, приводило как к росту наук, искусств и учености, так и к критике Церкви. Следствием этого же начала явилась Реформация и религиозные войны XVII столетия. Войны разрешились конвенцией Просвещения — оставить самые главные вопросы на рассмотрение свободных индивидуумов, вынести их за поле общего образования и общезначимых понятий. Пусть каждый человек решает их для себя — *sapere aude!* Отсюда, однако же, следовала редукция общезначимых ценностей до простонародно-житейских. Великие документы Просвещения еще могли говорить о Боге, но очень абстрактно, как об основании либерализма. Прочитаем знаменитые слова Декларации Независимости тринадцати соединенных штатов 1776 года:

Мы полагаем самоочевидными истинами, что все люди созданы равными, что они наделены их Создателем определенными неотторжимыми Правами, среди которых — Жизнь, Свобода и стремление к Счастью (*Happiness*).

О счастье здесь сказано и могло быть сказано тоже лишь весьма абстрактно, ибо каждый решает сам, в чем оно; ну а общедемократическая адресация, вслед за этимологией, предполагает тут скорее удачную хорошую жизнь в простонародном значении, а не в эвдемоническом смысле Платона-Аристотеля или Отцов Церкви. Явно или неявно, Просвещение полагалось на то, что либеральные конвенции хорошей жизни окажутся устойчивы, что они получают достаточную поддержку основных слоев народа, принимающих именно либеральный путь к счастью. Стоит отметить, что религиозная основа либерализма осознавалась отцами-основателями США. Протицируем в этой связи Фрэнсиса Фукуяму:

Либералы локковского толка, совершившие Американскую революцию, например, Джефферсон или Франклин, или страстно веровавшие в свободу и равенство, как Авраам Линкольн, заявляли не колеблясь, что свобода требует веры в Бога. Социальный контракт между разумно-эгоистичными индивидуумами не был, иными словами, самоподдерживающимся; требовалась еще и вера в божественные награды и наказания. («Конец истории и последний человек», Нью Йорк, 1992)

Соглашаясь с этим, Фукуяма отмечает и тенденцию либерализма к самоуничтожению:

Другими словами, либеральная демократия не самодостаточна: общественная жизнь, на которой она основана, должна в конечном счете исходить из источника, отличающегося от либерализма ... За долгий срок либеральные принципы оказали разъедающее воздействие на ценности, предшествующие либерализму и необходимые для сохранения сильных общин, а потому необходимые и для возможности самоподдержания либерального общества. (там же)

Практика либеральных государств строилась на все более последовательной дехристианизации, т.е. на уничтожении ценностной основы самого либерализма. Следствием этого уничтожения и явились серьезные проблемы и поражения либерального порядка, все более разрастающиеся: марксистские режимы, фашизм и нацизм, авторитарно-мафиозные государства на территории бывшего СССР, разворачивающаяся революция и левая диктатура в Штатах и подобные им движения в Европе.

Запад, таким образом, стоит перед кризисом, сравнимым по значению с тем, что он пережил в войнах XVII века, завершавших тоталитарно-христианский исторический этап. Путь либеральной дехристианизации, последовательного секуляризма, путь Просвещения, не избавил, однако же, Запад от войн и революций; напротив — продемонстрировал новые ужасы. Очевидно, ни навязывание христианства государством, ни изгнание его из общественных институтов не сулит ничего доброго; оба варианта обанкрочены. Что ж — ведь оба они являются исторически сложившимися крайностями, а крайности редко бывают оптимальны, как учил еще Аристотель. Мудрость теряется как при тираническом навязывании, так и при не менее тираническом отторжении. Мудрость передается лишь мудрым образом, сочетающим свободу и традицию. Старые ресурсы традиционного либерализма, однако же, себя исчерпали. Так что, одно из двух: либо Запад будет

разлагаться на эрзац-религиозные и мафиозные тирании, либо он двинется по пути осознания своей великой духовной основы и мудрого сочетания свободы и традиции.

Россия — та же проблема, иные условия

Россия вовсе не подверглась или слабо подверглась влиянию основных исторических феноменов, присущих западной цивилизации, среди которых: римское католичество, феодализм, Ренессанс, Реформация, экспансия и колонизация заморских владений, Просвещение и возникновение национального государства. Семь из восьми перечисленных ранее отличительных характеристик западной цивилизации – католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм – практически полностью отсутствуют в историческом опыте России.

Так пишет С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» (1996). И всё же Россия — страна Западной цивилизации, ее окраина. Основы Запада: Библейская вера, Греческая философия, Греко-Римская государственность, формировали и Россию, но слабее; притом никакого иного культурно-значимого начала у России не было; культурное значение Орды неотлично от нуля. Русская Православная Церковь была изначально слаба своим отрывом не только от латинян, но и от греков. При Иване IV она была, вместе со всем обществом, крайне запугана; при Алексее Михайловиче обескровлена расколом, а при Петре напрямую подчинена гос. бюрократии. Примечательно, что Библия на русском была издана позже, чем перевод «Капитала». За XIX век, однако, Россия совершила гигантский шаг вперед; ее высшие достижения в искусстве, литературе и, позже, философии полноценно вошли в золотой фонд Запада. Почти все достижения культуры, которыми русские люди гордятся — той поры; перед этим расцветом все бывшее до него представляется совершенно ничтожным. Этот подъем был прерван марксистской революцией; начавшееся в пореформенной России религиозно-философское движение было уничтожено большевиками, вместе с РПЦ. Революционный крах либерального проекта в России случился по той же причине, о которой шла речь выше, но случился раньше, чем в других странах Запада. Слабое, бюрократизированное, архаизированное, ассоциированное со старым режимом христианство никак не могло конкурировать в умах интеллигенции с «научной», прогрессистской, напористой эрзац-религией; преимущественно безграмотный народ мог выглядеть христианским лишь при поверхностном взгляде, ну и гражданские свободы не имели ни той истории, ни той практики, ни той веры в них, что на Западе; так что победа марксизма не была уж слишком удивительной. Слабое Христианство было быстро добито слабым же либерализмом; плоды победы пожалала марксистская эрзац-религия. Во время Второй Мировой Войны, на месте убитой РПЦ была создана организация под тем же названием, под полным контролем спецслужб; по сути то была структура КГБ, каковой она и оставалась до конца СССР и, в значительной степени, до сих пор. С философией в СССР дело обстоит в общем так же, как и с религией: то, что называлось кафедрами марксистско-ленинской философии, на деле представляло собой идеологическую структуру Компартии и КГБ, со всеми вытекающими отсюда следствиями. Русский марксизм умер своей смертью, за свой век пройдя все фазы утопической религии:

детские мечтания кружков, юношеская романтика революции, тяжелая зрелость массовых убийств, тотального страха и рабства, старческое ослабление хватки, усиливающийся маразм, впадение в мечтательное детство и смерть. На выходе из утопии было общество, чьи ценности могли определяться лишь дарвинистскими примитивами биологической и социальной жизни; все остальное, все духовное, было практически разрушено эрзац-религией, тоже почившей. «Нового человека» советская власть создала, правда, не вполне такого, каким он изображался в советских учебниках. Советским людям долго внушали, что на проклятом Западе правит чистоган, и человек человеку волк. Помимо того советский человек знал, что люди на Западе живут богато. Ну а раз так, то вывод очевиден: надо жить хищниками, вот и будет счастье. Мечты о построении либерального рая на таком чудном болоте были, разумеется, чистой наивностью. Бывшие советские люди устроили то, что могли: пиратскую войну за сундук мертвеца, завершившуюся агрессивно-мафиозной тиранией сильнейшего из кланов, того же КГБ. Принимая в расчет господствовавшие цинизм и материализм, да еще и богатые арсеналы оружия массового поражения, следует возблагодарить Всевышнего: могло быть и много хуже.

Та задача мудрого сочетания свободы и религии, что стоит перед Западом, будучи весьма непростой и там, для России дополнительно осложнена наследственной слабостью этих начал гражданского общества, которым противостоят цинизм, мафиозные практики, развращенная церковь, имперский культ и Ислам впридачу. Поэтому перспективы русской жизни представляются, как всегда, очень завязанными на личность первого лица, характер его окружения. Тем, кому эти выводы покажутся неоправданно пессимистическими, задам вопрос — много ли в России, по их мнению, людей, что вынесли бы справедливый приговор даже ценой своей жизни, окажись они судьями? А сколько требуется для превращения мафиозного общества в либеральное? И как, сходятся эти проценты? Если да, то ваше представление о России оптимистичнее моего. Ну а с моим уровнем оптимизма, надежды на прогресс связываются только с долгосрочным подлинным просвещением, моральным возрождением русского общества, и, если повезет, с более приличной верховной властью. У невежественного и развращенного народа может быть лишь война кланов и тирания, но никак не либеральный порядок. Путинские годы с этой точки зрения — потерянные в значительной степени. Циничная власть лишь усиливала цинизм народа, да еще и соблазняла его захватническими амбициями; к этому добавился громадный отток умных и способных людей за границу. Церковь Московской Патриархии за постсоветские годы, кажется, не заявила о себе ни единым шагом, который прибавил бы уважения к ее весьма поврежденному авторитету. Все же закончу эту главку на позитивной ноте. Есть важный урок, вынесенный русскими людьми из своего марксистского опыта: в отличие от Штатов, в России популярность революционных эрзац-религий, Слава Богу, низка. Даже российские коммунисты не заикаются ни о диктатуре пролетариата, ни о светлом марксистском будущем. Прививку от утопических религий Россия получила неслабую, и, будем надеяться, надолго.

Как в это можно верить?

Положим, вы правы в отношении роли Христианства в становлении Запада, но ведь это не означает, что разумный человек может верить во все эти странные положения, в этот наворот чудес, что изложен в Символе Веры, что преподносится обоими Заветами? Так или примерно так может спросить меня иной читатель. На это я могу ответить, что чем основательнее я размышляю над Христианской картиной мира, тем глубже и мудрее она мне открывается. Есть немало прекрасных книг и выступлений в разъяснение этого; не сомневаюсь, что их будет больше, особенно на русском языке, где Христианская мысль была долго блокируема, а потому требуется время для ее разворачивания. Проблема отвергающих Христианство интеллектуалов — в неадекватном критерии истины, в примитивном культе разума или отчаянии скепсиса. Тот уровень реальности, к которому обращены великие философские учения и великие религии, уровень картины мира, иной, он более глубок, чем привычный ученым уровень объективного исследования.

Наука ищет законы для описания универсальных объективных наблюдений; на уровне же картины мира стоят вопросы иного рода: почему законы таковы, а не иные, каков Терminus бытия и познания, кто есть субъект, что есть ценность и каковы подлинные ценности, ради чего стоит жить, познавать мир, духовно расти, и ради чего стоит жизнью даже и жертвовать. Хотя научное мышление неадекватно перед такими вопросами, оно связано с ними. Во-первых, научное мышление имплицитно подразумевает познаваемость мира, даже космическую, вселенскую познаваемость. Во-вторых, оно имплицитно подразумевает исключительную ценность этого познания. Эти импликация не только не следуют из обыденного здравого смысла, но даже идут вопреки его очевидностям и интуициям: физические масштабы человека вопиюще ничтожны перед бесконечностями космоса. Вера в возможность и ценность, даже святость, космического познания укоренена в христианском синтезе Библии и Платонизма; именно поэтому математическая физика родилась и веками развивалась исключительно на почве Запада. Возможность и святость космического познания раскрываются уже в самом начале Библии, где говорится, что человек сотворен по образу и подобию Создателя вселенной, и что вселенная хороша весьма в глазах нашего Небесного Отца. Что же касается математики, то веру в силу математического пути познания отцы физики Галилей и Декарт почерпнули у Платона и Пифагора, интегрированных в христианскую мысль. Есть, однако, и еще одна, третья связь физики с ее библейско-платонической основой: физика, достигая поистине космического успеха, тем самым поставяет философии важнейший факт *непостижимой эффективности математики в естествознании*, по выражению Юджина Вигнера. Библейско-пифагорейское пророчество породило физику и подтвердилось ею выше всех чаяний, составив важнейший исторический и метафизический факт. Никакого иного разумного понимания этого факта, кроме теистического, не существует. Лейбниц утверждал, на основе теологических аргументов, что мы живем в лучшем из возможных миров. Недавно покинувший этот мир физик и философ Фримен Дайсон (1923-2020) внес важное уточнение: мы живем в наиболее интересном из возможных миров. Математическая красота физических законов, обуславливающая их познаваемость, есть одна из чудесных граней этого мира, нашей пифагорейской вселенной. Отсюда же следует определенное решение проблемы зла, как необходимой оборотной стороны возможности роста человека, раскрытия в нем все более интересных черт. Космическая постижимость вселенной есть один из аргументов бытия Бога. Разум может не только затмевать Бога, как это случилось со сциентистами, но и приводить к Нему, как это было у Платона, Аристотеля, стоиков, схоластов, да и ряда

современных философов. А коли единственно разумное понимание происхождения вселенной — что она создана, то довольно нелепо считать, что Творец остановился на Большом Взрыве, не продолжив творить дальше. Но тогда нет никаких оснований отрицать чудеса. Всякое вмешательство Создателя есть продолжающееся творение, что есть чудо. Здесь, конечно, не место вдаваться в Христианскую апологетику, и я ограничусь немногим сказанным. Те, кто хотел бы ознакомиться с этой важной темой, могут найти довольно обширную литературу на русском и еще более мощную на английском или любом из больших европейских языков.

Концы истории

История человека начинается с его выхода из царства животных. Но как она может закончиться? Конец истории — это не только о будущем. История много раз заканчивалась у разных племен и народов, притом совсем не обязательно по внешним причинам изменений климата или завоеваний. Гораздо чаще она заканчивалась зацикливанием в определенных формах общественной жизни, когда уже ничего нового не происходит и не может произойти. Такова жизнь неписменных народов, идущая веками одними и теми же кругами. Так заканчивали свое существование древние цивилизации, в которых период творческого становления переходил в стационарную фазу застоя, где идеалом было воспроизводство, вечное возвращение каждого поколения к вечным образцам. Современному человеку такой застой представляется чем-то невыразимо скучным и бессмысленным. Но этот взгляд далеко не универсален, он сам есть порождение сравнительно недавнего времени. «Архаическое человечество защищалось, как могло, от всего нового и необратимого, что есть в истории», пишет Мирча Элиаде в «Мифе о Вечном Возвращении» (1949). Для архаического человека смысл жизни проистекал из связи с вечными архетипами, из следования им форм жизни. Следуя великим образцам, данным моему народу богами и божественными предками, я максимально приближен к ним, согрет, освящен и благословлен их чудесным сиянием. Мне нечего бояться, я уже спасен в той мере, в какой я погружен в эти сияющие архетипы — в трудах и праздниках, в отношениях с близкими и дальними, в разрешении конфликтов и организации чего бы то ни было. Примерно так мыслил себя архаический человек. Именно это и было его главной задачей — оставаться в поле архетипов, не выпадать из него, несмотря ни на какие неожиданности судьбы. Отсюда идет сильнейшее консервативное начало культур, то, что Элиаде называл ужасом истории, ужасом бессмысленной гибельной стихии. Иными словами,

... 'жить' для человека, принадлежащего к традиционным культурам, это, прежде всего, жить по внечеловеческим моделям, архетипам, быть в сердцевине реальности, ибо подлинно реальны только архетипы... архаический человек побеждает время и живет в вечности. (там же)

Современный сциентистский человек рассматривает себя внутри истории, подчиненной, как и он сам, неким законам и случаю; скептический человек не станет утверждать даже и этого, история для него — все, что угодно, или ничего определенного вообще. В любом из этих случаев история представляется фатально бессмысленной, откуда следует

неизбежный, хотя и не обязательно осознаваемый, ужас перед ней, от которого ему некуда бежать, кроме разного рода дурманов и табу.

Христианство, отмечает Элиаде, открыло перед человеком новое, вдохновляющее, отношение ко вселенной: стать соучастником, соавтором продолжающегося творения. Если человек есть поистине сын Творца, то именно в сотворчестве с Небесным Отцом и состоит наша главная задача. История перестает быть чем-то пугающим бессмысленными страданиями, но раскрывается как великое поприще, поле совместных трудных задач, где бессмысленность иллюзорна, где за страданиями стоит высокий смысл свободного духовного роста вечной жизни.

Любая другая [не христианская] современная свобода — какое бы удовлетворение она ни могла доставить тому, кто ею обладает, — не в состоянии оправдать историю, а это для всякого человека, искреннего перед самим собой, равноценно страху перед историей. (там же)

Понятое таким образом христианство обладает серьезным ограничением: оно не может быть навязано никакой властью, но может быть принято лишь свободно. Всякая попытка навязать его силой неизбежно убивает его творческое начало, редуцируя до религии архаического типа, следованию архетипам. О том же писал и Бергсон в своем последнем крупном труде «Два источника морали и религии», проводя дихотомию между учениями следования и творчества. Историю христианства можно рассматривать как борьбу между этими двумя источниками. Скептические и атеистические учения составляют третью группу, которую можно назвать учениями бессмысленности. Будучи не в состоянии вынести бессмысленность, человек ищет опьянения в наркотическом или коллективистском дурмане, революционных эрзац-религиях.

Сказанное возвращает нас к той исторической развилке, куда вышли Соединенные Штаты и куда подходит Запад в целом. На этой развилке заканчивается христианское наследие, промотанное блудным сыном либерализма. Хотя общенациональная статистика США и дает еще около 70% христиан, коренная религия Запада полностью вытеснена из школ и почти полностью из университетов и основных СМИ, где под разговоры о свободе, научности и справедливости навязываются учения бессмысленности и революционные эрзац-религии. Под натиском последних, с катастрофической скоростью утрачивается важнейшая из свобод Запада — свобода слова. Теряется главнейший капитал страны — доверие между гражданами: за слова 'все жизни важны' можно лишиться работы; молчание в ответ на 'расистскую' шутку официально объявляется расизмом, с вытекающими отсюда оргвыводами. Полиция объявляется источником зла, полицейские идут под суд за исполнение обязанностей, революционные погромы городов объявляются торжеством справедливости. Что ждет страну после ноябрьских выборов, если они еще состоятся? Дальнейшие погромы, гражданская война, революционная диктатура начекистов или контрреволюционная диктатура, новый маккартизм? Как знать, но одно ясно: возврата во вчерашнюю либеральную безмятежность нет. Унаследованные средства на свободу промотаны; новые средства могут быть лишь заработаны упорным трудом, осознанием утраченного и его возрождением к новой, уже сознательной и самостоятельной, жизни. Время на подобное возрождение исчисляется поколениями — в лучшем случае. Ну а пока,

стало быть, придется жить если не при войне, то при диктатурах. Левая уже наступила, хотя Президент пока и правый.

Мудрость Запада уникальна тем зарядом свободы и творчества, что заложен в синтезе ее еврейского, греческого и римского наследий. Это заряд великих надежд и опасностей, где одно неотделимо от другого. Обратной стороной свободы и творчества являются неудачи и катастрофы. Прагматический критерий истины, предложенный Христом ученикам, «по плодам их узнаете их» — трагичен, ибо подразумевает, что будут среди плодов и ядовитые, с тяжелыми последствиями. Такова неизбежная цена свободы. Но будем же делать выводы из прошлого опыта. Самые главные религиозные, философские, исторические вопросы должны не задвигаться в темный угол общественных табу, а обсуждаться и дебатироваться со всей остротой на самых важных общих площадках: в школах, университетах, ведущих СМИ. Свобода слова должна быть не только восстановлена, но и возведена на новый уровень. Альтернативами являются распространение губительных учений бессмысленности жизни, безумия эрзац-религий или возврат к Великому Инквизитору, вечно упрекающему Спасителя в даровании людям непосильной для них свободы.